

Погребальный обряд восточных хантов: особенности взаимоотношений с духами предков (полевые исследования этнокультурного региона р. Пим)

Т. А. Исаева

It is generalized a new field material gathered by the author among the pimskaya group of khanty. There are considered structure and procedure of funeral ceremony, world outlook comprehension of mutual relations of alive people and their dead ancestors, a special role of cemetery as a special cult object. Based on the concrete material there is made an attempt to compare world outlook traditions of the khanties with the common logic of development of "primitive thinking" differing to the author's opinion in the first place by high ecology (in a wide sense of meaning).

Мировоззрение хантов, в нашем кратком изложении представляющее "первобытные" культуры, конституируется духами предков, которые, вселяясь в новорожденных, дают им жизнь, продолжая тем самым жизнь самого этноса. В этом смысле события рождения и смерти есть границы существования человека "первобытной" культуры, между которыми заключена жизнь: с одной стороны, как экспансивное начало бытия, с другой — как пространство, смиренное ритуалом, заполненное привычками, поверьями, обрядами.

Интерес к переходным обрядам, особенно к погребальному и родильному, не случаен, поскольку именно в них человек "пере-ходит" границу жизни. Согласно представлениям хантов, умершие люди не прекращают своего существования, а лишь переходят в иное состояние. Они продолжают жить в другом мире, где имеют те же потребности, что и живые. Существенным при этом является то, что умершие переходят в разряд духов. Среди всех невидимых сил, поддержки и расположения которых человеку следует добиваться, важное место занимают предки, умершие совсем недавно, но уже перешедшие в разряд духов. Отношения с недавними покойниками являются более определенными, чем, к примеру, с духами леса или водоемов, и это несмотря на то, что ранг последних несколько выше: это духи — покровители территорий, в то время как духи недавно умерших имеют чаще всего семейное или родовое значение. Предки и покойники не являются объектом религиозного поклонения в полном смысле этого слова. Однако живые безусловно заинтересованы в том, чтобы мертвые были благосклонны к ним.

Тема существования духов умерших предков и их взаимоотношений с живыми прекрасно вписывается в схему, предложенную в работе Л. Леви-Брюля "Сверхъестественное в первобытном мышлении", где, в частности, говорится следующее: "Мир покойников поддерживает постоянные сношения с миром живых. В этом смысле он составляет часть того, что мы называем природой. Недавно умершие покойники в полном смысле... "иные члены клана". Почти во всех первобытных обществах к ним относятся так же, как к соседям, с которыми ни за что не хочется испортить отношения" [1994, с. 471]. Как можно думать, во многом эти отношения обусловлены точным исполнением погребального обряда.

Похоронные обряды, как и родины, совершаются в несколько этапов: "Первый цикл сводился к погребению тела и включал: манипуляции над покойным, т. е. обряжение, нанесение на одежду, а иногда и на тело разрезом, срезание и распускание волос, вынос тела, который производился часто не в дверь, а в специальное отверстие или окно, и транспортировку покойного к месту погребения, далее жертвоприношения, наделение покойного новым жилищем, личным имуществом путем трансформации личных вещей и животных, т. е. продырявливание, разрубание утвари, умерщвление животных и т. п. Затем тризна на могиле покойного или в доме, сопровождавшаяся церемониальным обменом пищей, и наконец возвращение, с целым рядом оградительных мероприятий" [Новик, 1984, с. 176]. Адресатом обряда является сам покойный, трансформирующийся в результате перечисленных действий в новое лицо, снабженное жилищем и личным имуществом. Статус его маркируется новым именем. В данном случае это термины для определения умершего, причем в разных местах они могут быть различными. Так, на р. Пим говорят *сур атых*, что означает "умер". При этом если покойник мужчина, то произносится *сур атым ко*, если женщина — *сур атым не* [ПМА, 1996].

Факт смерти устанавливается по отсутствию дыхания. Для этого подносят ко рту умершего олений пух или длинный волос оленя. Первое время после наступления смерти к умершему относятся как к живому и просто спящему человеку. Если смерть наступила утром, то обряжение покойного происходит на второе утро, если ночью — то на следующее утро. Прежде чем приступить к одеванию, умершему обмывают лицо, используя обычную чистую воду. Утопленнику также обмывают лицо водой и переодевают в сухую одежду, если он не долго пробыл в воде. Замерзшего помещают в избушку, чтобы тело оттаяло, и уже после этого переодевают, не умывая. Что касается погребальной одежды, то, в частности, на Пиме не отмечено ее особых отличий по сравнению с

другими этнотерриториальными группами хантов. Пимские ханты также застегивают одежду на покойном на обратную сторону, делают разрезы на рукавах и обуви, чтобы “чья-нибудь прихваченная душа могла выйти” [Там же].

Душа — основная носительница жизни — представляется в виде комара — *кайонных*. Если человек болен, то душа-комар может покинуть тело, но не надолго. В случае смерти кайонных покидает тело навсегда, но не сразу уходит наверх, а еще некоторое время вьется рядом. По видимому, душа-комар непременно должна отправиться “наверх” — это условие является необходимым для ее реинкарнации. Если умерший был грешен, то его душа-комар навсегда остается с ним [Там же]. До погребения покойный лежит в постели, будто спящий. При этом в жилище постоянно горит огонь — для отпугивания злых духов и обогрева души умершего, вьющейся около тела [Там же, 1995]. В это же время готовятся угощения покойному и гостям. Считается, что родственники пришли в гости к умершему: они не только отведывают пищи, но и угощаются табаком из его кисета или табакерки, стоящей рядом с покойным, а затем непременно возвращают ему свой табак.

Перед тем, как вынести тело, или сразу после выноса проводят гадание, задавая вопросы умершему. При этом приподнимают гроб с телом или само тело, в случае утвердительного ответа оно становится тяжелым. На Пиме после смерти женщины отмечено гадание о том, какое из стойбищ оставить за покойной. Приподнимая тело умершей жены в гробу, муж выяснил, что та желала остаться с летним стойбищем, где умерла. Рядом с летним стойбищем ее и похоронили. Так как супруги были уже стариками и мужу было не под силу сразу покинуть место жительства, покойница разрешила ему на некоторое время задержаться. Однако, по рассказам старика, жена является к нему каждую ночь и отделаться от видений покойницы он может только с помощью молитвы. Это случай очевидного нарушения традиции, но, учитывая то, что нарушает ее старый и немощный человек, наказание ограничивается лишь самими видениями. На территории правого притока Пима — р. Каты-Еган (Покойничья речка) зафиксирован факт покидания стойбища жителями сразу после похорон близкого родственника. Следует обратить внимание на то, что стойбища оставляют, лишь когда умирает кто-то из основных владельцев поселения или его хозяин [Там же, 1993].

Подобные обычаи широко и неоднократно отмечались исследователями у различных групп хантов и имеют подтверждения в мифологических и сказочных сюжетах. По мнению хантов, умерший, вернее, его душа может вернуться к родственникам и увести с собой в мир мертвых чью-то душу. Одна из сказок описывает такой случай следующим образом. В то время пока охотник был на промысле, умерла его жена. После похорон люди покинули стойбище. Вернувшись, охотник застал селение пустым, но решил переночевать в своем доме. Ночью в дом пришла его жена, она расчесала ему волосы и завязала их в два узла (в обычной жизни ханты заплетают волосы в косы. — Т. И.). Мужчина испугался и пытался убежать, но женщина настигла мужа и отрезала ему волосы. Вернувшись к людям, охотник умер через несколько дней [Мифы..., 1990, с. 185]. Сказка не только подтверждает существование обычая покидать стойбище, но и объясняет его смысл: умершая забрала душу своего мужа, нарушившего обычай, отрезав волосы — вместилище души. Кроме того, здесь звучит и сам запрет на ночлег в пустом, не жилом доме. Справедливость подобного табу известна всякому, кто хоть раз в силу обстоятельств решался нарушить его.

Что касается траурных запретов и обрядов, то повсеместно — это круглосуточное поддержание огня и окуривание помещений жженой чагой до момента отлета или прилета птиц, в зависимости от времени смерти человека. В этот период запрещается рассказывать сказки и петь песни. Траурные запреты распространяются и на некоторые виды хозяйственной деятельности. В частности, нельзя скоблить что-либо, делать чип (мягкую древесную стружку, которую используют в гигиенических целях), вышивать бисером. Если возникает крайняя необходимость исполнения подобной работы, то под доску или дерево подкладывают брусок для заточки ножа. Полностью эти работы возобновляются после прилета орла, т. е. примерно в марте – апреле. Женщины в знак траура распускают волосы. В случае смерти близкого родственника мужчины повязывают на щиколотку правой ноги толстую нитку (*кур-сум*) и носят ее до тех пор, пока она не отпадет сама, женщины опутывают ниткой (*кэт-сэв*) четыре пальца на правой руке и также носят ее, пока нитка не отпадет сама. Если умер дальний родственник или хороший знакомый, таким же образом привязывают нитки потоньше [ПМА, 1996]. Кроме того, родственники состригают у себя прядь волос, ее хранят в специальном мешочке, куда впоследствии складывают все волосы, выпавшие при расчесывании. В период прилета или отлета птиц, опять-таки в зависимости от времени смерти, волосы сжигают. Для этого на старом толстом пеньке сооружают небольшой домик из жердочек, куда и помещают мешочек с волосами, затем все сооружение сжигается. Таким образом души умерших окончательно освобождаются и вместе с птицами попадают “наверх” [Там же, 1995, 1996].

Поминки на кладбище и даже просто его посещение сопровождаются оградительными обрядами. Пимские ханты, покидая кладбище, обращаются к мертвым со словами: “*Есть каменный медведь, есть живой. Я пойду к живому. Живой живет, где солнце всходит, каменный живет, где солнце садится. Каменный у мертвых, живой у живых*” [Там же, 1995]. Так уговаривают мерт-

вых оставаться на своем стойбище-кладбище и не ходить за живыми. Несмотря на обилие огражденных обрядов, нельзя сказать, что общение с умершими обусловлено лишь чувством страха. Не меньшую роль играет и уважение к умершим родственникам, тем более что существует поверье о добром расположении мертвых к живым. Если ночь застала путника недалеко от кладбища, где похоронены его родственники и знакомые, он может безбоязненно переночевать возле их могилы, в то время как ночлег в заброшенном доме или лабазе запрещен.

Умершие могут предупреждать своих родственников о болезнях и несчастьях, давать им советы. Ханты рассказывают о том, что духи покойных родственников подсказывали им способы лечения болезней. В частности, интересными представляются сведения, полученные по заброшенным стойбищам р. Мильто-Ягун — левого притока Пима. У одной из жительниц практически одновременно умерли муж и сын: один утонул, другой замерз в лесу. Похоронены они были на берегу протоки, недалеко от жилья. Через некоторое время при смерти оказалась дочь этой женщины. Однажды последней приснились умершие родственники и посоветовали покинуть обжитые места. После того как семья выполнила наказ, полученный во сне, жизнь вошла в нормальное русло. По свидетельству женщины, место, на котором они жили, «понадобилось какому-то духу, кто раньше здесь жил». Она полагала, что духи предков вернулись на свои родные места и требовали освободить принадлежащую им территорию. Интересно, что при осмотре покинутых этой семьей угодий обнаружен целый ряд археологических памятников: несколько селищ зеленогорского и кучеминского этапов, могильник, насчитывающий более 90 могильных впадин, а также раннее этнографическое кладбище [Там же, 1994, 1995].

То, что для исследователя является археологическим памятником, воспринимается хантами совершенно иначе — в частности, и как место жительства древних людей, возможно богатырей, которые могут являться родственниками, если данная территория исконно принадлежит одному роду. Однако относительно далеких предков или их духов не почитают так, как умерших недавно. Это свидетельство существования иерархии покойников. Почитание умерших в культуре хантов можно соотнести с классификацией Б. Гутмана, который разделяет умерших предков на три категории «не по объему той сферы, в которой проявляется действие, а по большей или меньшей отдаленности момента их смерти. Категории выглядят так: 1) совсем недавно умершие, сохранившиеся в памяти покойники. Это наиболее молодые предки, которых помнят и знают живые. Еще памятно их имя или по крайней мере положение в обществе... 2) поколения покойников, умерших гораздо раньше и испарившихся из памяти живых... Эти покойники стараются сохранить свои отношения с живыми, однако их, слабых и одряхлевших, оттесняют далеко от жертвоприношений другие духи... Они поэтому появляются лишь тайком, не показываясь людям, однако нападают на людей с тыла, насылают на них болезнь, вымогая у них жертвоприношения; 3) наконец, существует еще один вид духов (покойников)... Они уже не имеют абсолютно никаких сношений с людьми и с нашим миром. «Они совершенно исчезли, говорят люди... Их жизнь кончена». Ибо раз они не в состоянии больше получать жертвы, жизнь их в силу этого самого обрывается» [Цит. по: Леви-Брюль, 1994, с. 478]. Естественно, что применение данной схемы к культуре хантов несколько условно, так как относится эта классификация к иному этносу. И тем не менее она обнаруживает черты почитания покойников и их духов, проявляющиеся во многих «первобытных» культурах.

Переходные обряды особым образом подтверждают связь этноса и конкретного человека с природой, определяя их положение и назначение в ней. Эти обряды связывают человеческий микрокосмос с тем, что находится за его пределами, выполняя тем самым особую синтезирующую функцию в контексте мировоззрения, которое в целом формируется под воздействием широкого спектра обрядовой практики. Данные наблюдения относятся ко многим культурам, сохранившим так называемую первобытность. Однако культура хантов имеет особенность, которая заключается в том, что они сохранили свою «первобытность» несмотря на длительное воздействие христианства, а позднее — невзирая на экспансию идеологических и промышленных интересов советской метрополии.

Таким образом, символика переходных обрядов, выражая мировоззренческие особенности этнической традиции хантов, вместе с тем подчеркивает типологические особенности современных внецивилизационных культур, которые в этом смысле можно определить как «традиционные» или, устраняя некоторую тавтологичность термина «традиционная культура» (поскольку традиция является конституирующим элементом культуры), как «альтернативные», имея в виду не столько их противостояние цивилизации, сколько высокую экологичность. Другими словами, «первобытные», или «традиционные», культуры обладают высоким коэффициентом терпимости, что дает им возможность гармонично сосуществовать с природой (также в некотором смысле «культурой», имеющей непосредственное отношение к творчеству самой высокой пробы) и, быть может, не столь гармонично — с цивилизацией, доказывая жизнеспособность внецивилизационного развития, не столько его историко-культурную «правоту», сколько альтернативную состоятельность в пределах конкретного этнотерриториального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984.
Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост. Н. В. Лукина. М., 1990.
ПМА — Полевые материалы автора. 1993, 1995, 1996.

Сургут, Сургутский краеведческий музей